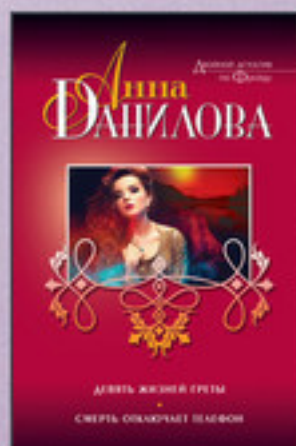

Анна Данилова

Девять жизней Греты

Часть сборника
*Девять жизней Греты. Смерть
отключает телефон (сборник)*

Анна Данилова

Девять жизней Греты

«Автор»

2013

Данилова А.

Девять жизней Греты / А. Данилова — «Автор», 2013

Грета Перминова вышла замуж по любви за красивого парня, болгарина с нежным именем Горги Ангелов. Медовый месяц стараниями молодых длился бесконечно долго. До тех пор, пока Грета не услышала разговор, перевернувший все это семейное счастье с ног на голову. Обожаемый муж и свекровь собирались убить ее и завладеть имуществом! И вот, чтобы не позволить свершиться чудовищному замыслу, Грета должна немедленно бежать прочь из собственного дома — в холодную декабрьскую ночь, в полную неизвестность...

© Данилова А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Часть I	5
Грета	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Анна Данилова

Девять жизней Греты

Часть I

Грета

«В тот день, когда все это началось, погода просто сошла с ума. Она была настолько созвучна моему состоянию, что я даже не знала, благодарить ее за это или нет. Ураганный ветер, дождь с мокрым снегом, словно кто-то там, наверху, разозлившись, разорвал в клочья пухлые тяжелые тучи... И воздух был какой-то синий, густой, словно на небо наплывала ледяная декабрьская ночь, грозившая похоронить дневные краски...

Вот говорят, что имя определяет судьбу. Вероятно, это правда. Мои родители называли меня Гретой. Понятно, в честь Греты Гарбо. У меня же, когда я подросла, это имя ассоциировалось с соседской кошкой Гретой. Старик-немец кормил свою любимицу вареной курицей и молоком и разговаривал с ней по-немецки.

Со мной же все говорили по-русски, ведь я жила в Москве. Мама рано умерла, и нас с братом воспитывал отец. В сущности, он воспитывает меня до сих пор, вот только проку от этого мало – я выросла избалованной, капризной и совершенно несобранной, непонятной особой. Училась я, правда, хорошо, но имела самое смутное представление о том, чем же я хочу заниматься на самом деле. Такое модное сейчас ландшафтное проектирование, которым я страстно увлекалась, мне хотелось все больше и больше внедрить в мою непосредственную, собственную жизнь, а не заниматься обустройством садов и цветников своих заказчиков. Быть может, поэтому я и не очень-то расстроилась, когда, выйдя замуж за красивейшего Джорджи (на самом деле моего мужа, македонца по происхождению, звали Горги), забросила в дальний угол свою карьеру вместе с декоративными водоемами (это была моя настоящая страсть!), садами-лабиринтами и клумбами и решила посвятить себя семье и спокойному и приятному проектированию наших нежных отношений с супругом.

Познакомившись с Горги в Москве и влюбившись, я практически через неделю дала свое согласие на брак с ним. Я видела, что мои отец и брат глубоко против этого скоропалительного брака, и понимала, что выходить замуж за человека, которого ты мало знаешь, – крайне неосмотрительно или даже опасно, но ничего поделать с собой не могла. Джорджи был так красив, что свое будущее я рисовала исключительно с эстетической точки зрения: мы в неизвестной мне стране с теплым и пропитанным розовым маслом именем – Болгария, где в настоящее время жила семья моего жениха, красиво одетые, сидим за накрытым столом, в обнимку. И больше нам ничего не нужно. Джорджи держал скромную автомастерскую, что меня нисколько не смущало, поскольку денег моего отца и брата мне хватило бы на несколько жизней. Нравственная сторона финансового вопроса меня также не волновала, поскольку я считала, что главное в нашем браке – это наши любовные отношения, а все остальное – не так уж и важно, уж с голоду-то мои близкие мне точно не дадут умереть. К тому же мои банковские карточки постоянно и заботливо пополнялись отцом в благословенной России.

Словом, я приехала в Болгарию по туристической визе, зарегистрировала гражданский брак с Джорджи, потом снова вернулась в Москву, чтобы заполучить себе драгоценную долгосрочную визу, и уже спустя два месяца въехала в маленький провинциальный город Шумен, расположенный в восьмидесяти километрах от Варны, с огромными чемоданами, набитыми

одеждой и разными милыми моему сердцу личными вещами. Еще, конечно, подарками. Для моего мужа и свекрови.

Встречали меня в аэропорту Варны. Худенькая, красивая, черноглазая и черноволосая свекровь Магдалена, в белом узком костюме и на шпильках, и рослый, крупный, с пышными черными локонами Джорджи – тоже во всем белом. Особенно трогательно смотрелись на нем белоснежные замшевые летние туфли. Эта элегантная пара сильно выделялась на общем фоне пассажиров, одетых преимущественно во все спортивное, легкое.

Магдалена клюнула меня в щеку, пробормотав: «Добре дошли?» Я лишь обняла ее, не желая целовать ее сильно напудренную и густо пахнущую ванилью щеку. Джорджи просто стиснул меня в своих объятиях, поцеловал меня прямо в губы и сразу же бросился к тележке с багажом.

Дома, в просторной, прохладной от кондиционированного воздуха квартире, меня напоили национальным напитком – кофе – и еще поставили передо мной большую хрустальную пепельницу – мол, не стесняйся, кури, здесь вся страна только и делает, что пьет кофе и курит...

И стали мы жить втроем в этой квартире – я, мой красивый муж и его молодая мама Магдалена... На завтрак меня кормили свежайшей брынзой и помидорами (благо был июль), на обед – узкими соевыми, крепко пахнущими чубрицей котлетками – кебабче, на ужин – поджаренными на гриле овощами. Мы часто ездили на море, уложив в сумку-холодильник вареные яйца, опять же брынзу и помидоры, останавливаясь в недорогих бунгало на побережье Золотых Песков, Албены, Балчика, Кранева... И я была счастлива, как никогда. Хотя, признаться, мне хотелось бы останавливаться в самых лучших приморских гостиницах и питаться в лучших ресторанах, то есть жить так, как я привыкла...

Понятное дело, что первое время на меня никто не давил и не заставлял работать. Поэтому единственное, что мне приходилось делать, – это следить за порядком в квартире и время от времени готовить что-нибудь из русской кухни. Потом свекровь стала намекать, что пора бы мне уже определяться, что брак – это все же не курортный роман длиною в жизнь, что надо искать работу, зарабатывать деньги. Выяснилось, что мастерская была убыточная, что главный механик уехал в Англию на заработки, а два других просто пили и спали на своих рабочих местах.

– Джорджи, хочешь, я найду тебе толковых ребят, мы отремонтируем твою мастерскую? – говорила я, имея в виду строительство целого ремонтного комплекса в самом удобном месте города, вместе с мойкой и маленьким рестораном. Мне так хотелось сделать его по-настоящему счастливым!

Я не могла пока еще открыто признаться мужу в том, что у меня есть деньги, и много. Мне хотелось узнать его получше, чтобы выяснить – быть может, он хочет заниматься вовсе и не автомастерскими, а чем-нибудь другим, более творческим и непыльным?

Магдалена, видя, что я не очень-то расположена искать работу, принялась за поиски сама. Поначалу я воспринимала это крайне несерьезно, я готова была в любую минуту раскрыться и рассказать ей, кто мой отец, чтобы потом радостно расхохотаться ей в лицо и сообщить о том, что им с Джорджи теперь не придется считать деньги и утолять голод на пляже вареными яйцами и несвежими бутербродами с прокисшим майонезом (как это произошло в одну из наших последних поездок к морю). Что пора уже как-то менять жизнь и придумать, каким же бизнесом Джорджи хочет заниматься. И вот как раз в тот день, когда я решила им все рассказать, Магдалена утром, за завтраком, пользуясь тем, что Джорджи вышел за сигаретами, сказала мне в лицо, что я – лентяйка, что я ничего не умею, что диплом у меня скорее всего фальшивый, купленный в метро за сто рублей, что у меня не получится жить за их счет, что в их стране так не принято, что здесь надо работать и зарабатывать деньги, а не сидеть на шее у нее, Магдалены... Она, попыхивая сигареткой, в шелковом розовом халатике, прихлебывая

черный кофе, говорила еще много чего, потом перешла к тому, что она вообще была категорически против нашего брака, поскольку я – голодранка, что у меня ничего за душой нет и что я вышла замуж за ее красивого мальчика исключительно для того, чтобы проводить все время в постели... Потом она швырнула мне в лицо кипу газет и посоветовала мне либо как можно скорее найти работу по душе – подразумевались такие профессии, как чистачка (уборщица), сервiterка (официантка), готвачка (повариха), шивачка (портниха) или ухаживающая за больными или престарелыми, – либо убираться к чертовой матери.

– Моя фамилия – Перминова, – неожиданно громко, с достоинством произнесла я, словно здесь, в тихой и маленькой Болгарии, все без исключения должны были знать моего отца. – Мой отец – Михаил Ильич Перминов!

– И что дальше?

Надо сказать, что изъяснялась моя свекровь на русском языке вполне сносно. Сказывалась учеба в советское время, когда все болгары учили русский язык в школе, а наши страны дружили.

– А то, что неплохо было бы вам знать, из какой семьи вы взяли себе сноху!

– Но Перминовы... Я ничего не знаю. – Магдалена стала присматриваться ко мне, словно в чертах моего лица она пыталась разглядеть нечто такое, что подсказало бы ей что-то, отчего фамилия моего отца заиграла бы новыми красками.

– И не надо. Мы завтра же снимем с Джорджи...

– Его зовут Горги!!! – вдруг вскрикнула Магдалена истерично, и я увидела, как сжались ее кулачки. Как же она ненавидела меня в ту минуту!

– ...мы снимем квартиру в самом центре Шумена, где сможем спокойно, без вашего участия, обсудить наши семейные дела и принять решение, чем же нам заниматься... А вы можете продолжать пить свой кофе и курить ваши вонючие сигареты!!!

И так тоскливо стало у меня на душе после того, как я все это сказала. Так нехорошо...

– Что-то я ничего не понимаю... Какую квартиру? На какие деньги?! Ты что, Грета, издеваешься надо мной? Господи... Грета... кто же назвал тебя так? Как кученце (собака)...

В тот момент ее раздражало и мое вычурное, странное имя. Надо сказать, что в ту минуту мне и самой было словно бы неловко за свое кинематографическое имя.

Вероятно, Магдалена все же выяснила с помощью Интернета, кем является мой отец и в каком отношении его имя связано с российской нефтью, потому что вечером этого же дня она откровенно ворковала со мной, называя дочкой, и стреляла глазами в сторону сына, словно собиралась сообщить ему нечто важное.

– Мне мама рассказала... – сообщил мне Джорджи, когда мы легли спать. – Она очень сожалеет о вашем разговоре, о том, что она была так груба с тобой. Она уже и не знает, как себя вести, что говорить... Понимает, насколько глупо выглядели ее разговоры о полезном труде. Представляю, как ты в душе смеялась над ней, да и надо мной тоже, когда мы ночевали на море, в этих скромных бунгало, и на ужин ели вчерашнюю брынзу и теплые, с пляжа, помидоры! Ты ведь привыкла совершенно к другой жизни. А я? Да я – просто глупый, раз ни разу не попытался остановить маму в ее стремлении поскорее найти тебе работу! Мы же с тобой только поженились, тебе еще трудно здесь, в чужой стране, среди чужих людей. А она уже пыталась устроить тебя... Господи, как же мне стыдно...

Тогда – впервые – мы оба, я думаю, испытали чувство, сильно походившее на разочарование. И даже не друг в друге, а скорее в самой жизни. Может, и не разочарование, но все равно, такое неприятное чувство того, что, помимо нашей любви и ощущения праздника от общения друг с другом, существует еще и другая жизнь, где есть место грубости, недоверию, раздражению... В ту ночь мы обошлись лишь взаимными пожеланиями спокойной ночи.

* * *

На трассе, гладкой и мокрой, опасной, смертельной в такую непогоду, почти не было машин. Никто, кроме нагруженных доверху фур и тяжелых грузовиков с продуктами, не стремился в декабрьскую, мрачную, обледеневшую Варну. Не то что летом, когда в ту сторону по софийской трассе мчатся нарядные легковушки, набитые любителями позагорать на солнышке и понежиться в теплой морской воде.

Воспоминания преследовали меня, они, как обрывки ветра, толкали меня в спину и заставляли втягивать голову в плечи. Даже в теплом салоне мне было холодно от всего того, что я слышала каких-нибудь пару часов тому назад...

Анализировать услышанное можно было, лишь оглянувшись назад. Полгода жизни с Джорджем пролетели быстро. Мы купили на папины деньги две квартиры – одну в Шумене, другую в Варне. Планировали купить апартаменты и в Софии. Помешанная на покупке недвижимости Магдалена была, казалось, оглушена собственным имущественным счастьем.

– Дети мои, запомните! Никакая пенсия вас на старости лет не спасет... Только недвижимость! Сейчас, когда на дворе кризис, надо покупать квартиры, дома, землю. Все упало в цене.

Мы обустроивали свои квартиры, строили планы на будущее. Между тем мастерская Джорджи прекратила свое существование – он стал банкротом. Надо ли говорить, как легко он с моей помощью и поддержкой пережил свое банкротство?!

Папа предложил мне заняться открытием в Болгарии бензиновых станций, обещал помощь. Но поскольку я в этом ничего не смыслила, то решила возложить все это на сильные плечи своего мужа. Однако он, понимая всю перспективность этого дела, все равно тянул и тянул с ответом. Шли дни, недели, месяцы. Папа присылал ему какие-то документы, расчеты, предлагал отправить к нему специалиста, который стал бы его управляющим и помогал бы ему в этом бизнесе. Но Джорджи, как я поняла, откровенно ленился. А я ленилась вместе с ним и не давила на него. Мне по-прежнему нравилось, что у меня такой красивый муж, такой ласковый, нежный и внимательный. Тот факт, что он и его мать жили все эти месяцы за мой счет, меня тоже не особо волновал. Я старалась относиться к этому философски.

Иногда наша лень достигала немыслимых пределов. В осеннюю смурь, когда на улице особенно зябко и льет дождь, мы даже с постели вставали только для того, чтобы разогреть еду или сходить в ванную комнату. Забравшись под пухлое одеяло, мы, прижавшись друг к другу, спали под мерный шум дождя, дремали, просто лежали, погруженные в какую-то безысходную сонную одурь... И только приход свекрови заставлял нас покидать постель на несколько часов, когда мы принимали ванну, приводили себя в порядок, чтобы вместе отправиться обедать или ужинать куда-нибудь в ресторан. Мне нравилось бывать в уютных шуменских механах. Механа – это тот же трактир, с национальной кухней. Грубо сколоченная мебель, интерьер украшен старинной посудой, мельничными жерновами, имитацией колодца, старинными утюгами или котлами. На столах – красные, ручной работы, тканые скатерти. Еду подают в глиняных горшках или в сковородках. И рекой льется национальная водка – ракия, сделанная из сливы, абрикосов, винограда, айвы. Вино из Новой Загоры, Хаскова, Ямбола, Стамболийски, Хисарски, из Розовой долины, Оряховице, не говоря уже о знаменитом осмарском пелине – вине, настоящем на душистой полыни.

Худенькие болгарки или турчанки в национальных одеждах подают еду. Нанизанные на шампуры шампиньоны, полосатое от решетки гриля филе курицы или форели, кюфте и кебапче, чугунные кастрюльки с вареной фасолью, которую здесь все называют «боб», густые куриные супы, тушеную капусту с мясом утки.

Меня все чаще и чаще стало наполнять чувство пресыщения и того, что я на все это время словно выпала из нормальной человеческой жизни. Что мы постепенно стали превращаться в свиней. Когда я жила в Москве и мечтала о своих садах и цветниках, меньше всего я задумывалась о том, что мне придется совершенно отдалиться от работы. Да, мне иногда надоедало работать в чужих садах, потому что я, вкладывая в дело душу и силы, понимала, что все это уже очень скоро уйдет из моей жизни, что я как бы работаю впустую. То есть я не испытывала удовлетворения при мысли, что все это заживет своей жизнью и после моего ухода. И я, как и любая девушка на выданье, уже мечтала о своем доме, о земле, где я смогу разбить свои цветники, где позволю благородным растениям соседствовать с дикими разросшимися сорняками... Идей и планов у меня было много, порой мне казалось, что моя голова изнутри тоже напоминает многоярусный садик, заросший разного рода растениями, что внутри моего черепа все цветет и благоухает: распускаются розовые бутоны, извергает сине-оранжевые молнии будущих цветов роскошная стрелиция, буйно цветет, смешиваясь цветом с алой кровью, наперстянка... Быть может, выйдя замуж за Джорджи, я надеялась, что и у нас с ним будет свой дом с садом. Но как-то сложилось так, что его мать, увлеченная покупкой квартир (апартаментов), совершенно забыла о существовании частных домов. Возможно, она все помнила, да только не желала обременять свою жизнь уходом за землей. Как хорошо сидеть в чистенькой квартире, обнявшись с подушкой, и смотреть телевизор! В собственном доме с участком земли, напоминающем миниатюрную модель самой жизни, захочется посадить деревья, кусты и цветы, купить попугаев, обзавестись кошкой и собакой, а то и вовсе прикупить с десятков несушек... Кошка с собакой будут беспрестанно сновать между домом и садом, разнося землю и семена сорняков по всему дому, попугаи, с аппетитом поедая просо, пометят территорию россыпью пустых зерен, кур надо будет кормить и поить, а к подошвам калош или садовых туфель прилипнет солома... Какой ужас!!!

Наступила осень. Ее прохладное дыхание несколько поостудило наши чувства. Я поняла, что если я не хочу потерять Джорджи, то должна каким-то образом избавиться от постоянного присутствия рядом с нами свекрови. Она давно уже раздражала меня своей неутомимой жаждой денег и тех сомнительных удовольствий, которые она из них извлекала. Все ее шкафы буквально ломились от новой одежды. Молодая, она выбирала себе чуть ли не подростковые вещи, но в основном носила узкие, обтягивающие ее худосочные ляжки, джинсы, открытые блузоны, которые не скрывали ее костлявую, черную от загара грудь, на спине же ее болтались дорогие, из натуральной кожи, цветные рюкзаки с разного рода молодежными украшениями – стеклянными фигурками животных, шариками, меховыми мишками и жирафиками... Со спины Магдалену действительно можно было бы принять за подростка. Главное, чтобы она не поворачивалась к вам своим худым, со впалыми щеками, почти черным лицом... Да уж, черноморский загар – что поделать – сделал ее похожей на цыганку!

Сказать, что меня тошнило от моей свекрови, – это не сказать ничего! Она вторгалась в наше с Джорджи пространство с видом полноправной хозяйки, навязывала нам план мероприятий на день, поездки, шопинги, экскурсии... Я же хотела осмотреть предлагаемые одной симпатичной девушкой-риелтором виллы под Варной. Несколько снимков я уже выслала брату, пусть посмотрит, может, купит себе на лето виллу-другую, а мы бы с Джорджи присматривали за ними, заполняли их туристами, следили бы за порядком, прибирались бы там. Какая-никакая, а работа... Но Джорджи, как я поняла, даже после того, как он стал моим мужем, продолжал в большей степени оставаться сыном своей матери и все делал для того, чтобы потакать ее желаниям. Они, мать и сын, были одним целым, и мое присутствие в жизни Джорджи не изменило его представлений о сыновнем долге. Он, как мне казалось, продолжал воспринимать меня как русскую туристку, по неизвестной причине задержавшуюся в их доме. Да, и это

было самое неприятное – я оказалась нигде. Ни в одной из купленных мною квартир (надо сказать, что все оформлялось на Джорджи, поскольку мне, иностранке, было это сделать не так-то просто, оказывается) я не чувствовала себя дома. Я не могла купить понравившуюся мне мебель, занавески... Я не могла и нескольких часов провести наедине с моим мужем.

И когда я все-таки присмотрела для себя дом в одном приморском поселке, в котором намеревалась поселиться только с Джорджи и поставить ему условие, чтобы его мать никогда не переступала порога этого дома, случился скандал! Магдалена кричала – она не допустит того, чтобы какая-то там русская отобрала у нее сына, она не для того его рожала и воспитывала, он – ее, ее, он принадлежит только ей! Это было похоже на истерику. Мне бы тогда еще развернуться и уйти... Но куда? Возвращаться в Москву, к отцу, чтобы со слезами на глазах признаться ему в том, что наш брак с красавцем-болгарином – ошибка? Конечно, отец бы меня понял и простил, тем более что он готов был простить мне все! Но это, подумалось мне в тот момент, я успею сделать всегда. Тогда же мне хотелось побороться за своего мужа, за свою семью. И я все еще лелеяла мысль о том, что Джорджи – мужчина, а не мальчик, все же сделает свой выбор в пользу своей жены. Я не предполагала тогда, насколько сильна связь между Джорджи и его матерью.

– Вы хотите, чтобы я уехала? – спросила я тихо, чтобы не распалать и без того взвинченную до предела Магдалену. – Прямо сейчас?

Вероятно, эти слова ее немного остудили. Потому что первое, что она тогда сказала (первое, что сложилось в ее разгоряченной голове!), было: конечно, при разводе-то все делиться будет пополам... Ты же просто так не уедешь? Не уедешь? Начнешь все делить, делить!

Джорджи стоял, опустив голову. Мне показалось тогда, что его черные волосы слишком густы и крепко, по-женски, закручены в локоны, что это даже как-то противоестественно для мужчины. И что он растолстел за последние месяцы, и кожа его, некогда белая, стала от загара какой-то неприятно розовой, зефирной... И лицо его, чисто выбритое, тоже стало раздражать меня. Почему-то перед моими глазами возникла сцена: Джорджи стоит в ванной комнате, голый, и бреется. И так нежно, так любовно поглаживает лезвием по своим гладким, упитанным щекам, что хочется взять и порезать ему эти щеки... Крест-накрест! И близость нашу с ним я вспомнила, его отяжелевшее тело, и вдруг поняла, что и в постели-то он стал ленив и эгоистичен, что вообще непозволительно молодому, полному сил мужчине.

Я вышла из комнаты, потом из квартиры и быстро спустилась по лестнице, выбежала на улицу и затерялась в толпе празднующих по Славянскому бульвару горожан.

Здесь, на этом бульваре, в теплое время суток все кафе выносят на улицы, под огромные, тенистые вековые липы, столики, и таким образом бульвар превращается в длинное, протянувшееся почти на половину города летнее кафе. И, что самое удивительное, они все заполняются людьми, отчего создается впечатление, будто бы в этом городе каждый день – выходной. Славянский бульвар – это место встреч всех живущих как в самом городе, так и в селах. Прогуливаясь по нему, можно встретить с десяток знакомых, родственников, коллег. Молодые мамочки с колясками беспрестанно курят сигареты, пускают дым разве что не в розовые мордочки своих чад. Чинные, с коротко стриженными седыми волосами болгарки, собравшись в стайки, пьют горячий шоколад, радуясь встрече и теплоте солнышку. Молодые парни, по какой-то причине оставшись без работы, с раннего утра до позднего вечера сидят, развываясь, в уютных плетеных креслах под полотняными тентами, пьют кофе из крохотных чашечек, перемещаясь из одного кафе в другое, и стреляют глазами в приятелей, чтобы те угостили их пивом. Молодые девчонки, возможно продавщицы из близлежащих магазинов, укрывшись от солнца и посетителей, потягивают за столиками холодный чай и колу. Разжиревшие холостяки с длинными волосами, заплетенными в тощую косичку, наливаясь пивом, лениво рассматривают проходящих мимо стройных женщин. В Болгарии почти все женщины худенькие, как тростинки, и с хорошей, густой гривой волос. Во фризёрских салонах, то есть в парикмах-

херских, они стараются перекраситься в «блонд» и различными способами уменьшить объем прически. Удивительное дело!

Накрапывал дождь, но посетители кафе под зонтиками продолжали пить кофе и курить. Я не знала, куда мне идти, а потому забила в самый угол одного из летних кафе, укрывшись за маленьким фонтанчиком в глубокой каменной чаше, и заказала себе кофе. Достала сигареты. Вот я и стала частью этого маленького города. Кофе и сигареты. Вишневый сок и сигареты. Мартини и сигареты. И так далее... Мне надо было обдумать, как жить дальше. Я готова была простить Джорджи его преданность своей матери, его недалёковидность, наконец. Возможно, он действительно еще не осознал до конца, что жена – это на всю оставшуюся жизнь и что важнее строить отношения именно с ней, а не с матерью, которая не сегодня завтра встретит какого-нибудь холостяка или вдовца, выйдет за него замуж и проживет своей жизнью. К тому же неужели он не видит, что происходит с его матерью, как портят ее мои деньги?! Что она без зазрения совести покупает квартиры, нисколько не думая о том, что мне это может не нравиться. Что все ее инициативы направлены прежде всего на то, чтобы обеспечить себе старость! Может, она думает, что я не могу сказать «нет», не сумею захлопнуть перед ее носом кошелек? Где лежит предел ее алчности и наглости?

Выпив пару чашек кофе, я отправилась пешком в агентство по недвижимости, встретила там со знакомой мне уже девушкой-риелтором, попросила ее еще раз показать мне ту виллу в Албене, которую я выбрала в прошлый свой визит. Передо мной на стол легли снимки чудесного двухэтажного дома с садом. И с видом на море.

– Нет, вы не поняли меня. Я хочу поехать туда и все осмотреть...

У девушки, ее звали Райна, загорелись глаза. Я сказала, что оплачу бензин, и мы поехали на ее стареньком «Мерседесе» на море.

Девушкой она оказалась молчаливой, говорила лишь тогда, когда ей приходилось отвечать на многочисленные телефонные звонки. Судя по тому, что мне удалось понять, у нее было довольно много клиентов, причем некоторые из них – русские, потому что она довольно сносно говорила по-русски. Узкие шорты, открытая блузка, не скрывающая белого кружевного лифчика, подкопченная на солнце кожа, длинные черные кудрявые волосы и сигарета в руке.

– Должна вас предупредить, – сказала мне Райна, когда мы въехали в Варну и остановились на светофоре возле кафедрального собора. – Вы, как чужденец (иностранец), не можете покупать землю. Виллу купить можете. А землю, на которой она стоит, – нет. Это запрещено нашими законами.

Я повернула голову и смотрела на нее с нескрываемым возмущением.

– Как это? А как же?... Что же мне делать? Ведь многие русские покупают здесь недвижимость!

– Правильно. Вот когда вы откроете свою фирму, тогда можете покупать сколько хотите земли.

– Значит, если я вас правильно поняла, я должна перед тем, как купить виллу, стать владелицей фирмы?

– Ну да! – спокойно отозвалась Райна, и я поняла, что подобные разговоры ей вести – привычное дело. – Сейчас посмотрим виллу, она – прекрасная, роскошная и, я уверена, сразу вам понравится. Там оставите задаток, вернетесь в Шумен, откроете свою фирму, у меня есть приятель, который поможет вам сделать это в кратчайшие сроки, и после этого уже купите себе виллу вместе с землей!

– А может, сразу вернемся в Шумен? Я не хочу оставлять задаток прежде, чем открою фирму! Я ведь не знаю ваших законов. А вдруг выяснится, что я по каким-то причинам не смогу ее открыть, а задаток уже оставляю... Нет, Райна, поворачивайте обратно.

Настроение мое, и без того отвратительное, испортилось окончательно. И я смотрела на девушку уже с нескрываемым презрением.

– Предлагаю все-таки проследовать до моря, раз уж мы в Варне... – вздохнула Райна. – Доедем до Золотых Песков, позагораем, отдохнем, а потом уже и вернемся. А?

Она посмотрела на меня, как нашкодивший ребенок. Значит, я все правильно поняла! Эта девчонка хотела меня одурачить, а теперь, нисколько не раскаиваясь, собирается за мой счет поваляться на теплом еще сентябрьском солнышке.

– Ладно, поехали... – Я хотела ей сказать, что, может, мы все-таки прокатимся до Албены и посмотрим дом, но отступать было поздно. Там, на месте, она профессионально обманет меня и вынудит внести пару тысяч левов капору (задатка).

В ту минуту я пожалела, что рядом со мной нет ни моего брата, ни отца, которые быстро и мягко поставили бы ее на место. Жаль, что я не унаследовала от отца его твердый и волевой характер. Я была мягким, уступчивым человеком, и Магдалена сразу раскусила меня.

Золотые Пески. Залитый солнцем огромный, тянувшийся на многие километры чудесный пляж, повсюду – дорогие отели первой линии, множество ресторанчиков, кафешек, повсюду слышна английская, немецкая, французская и, конечно, русская речь. Много благообразных старичков со своими старушками (шорты, майки, удобная полотняная обувь), путешествующие иностранные пенсионеры. Выбеленные временем стриженные волосы, загорелые руки в пигментных пятнах, дежурные улыбки, демонстрирующие ровные белые зубы. Я пожалела, что не взяла с собой купальник. Пришлось покупать прямо на берегу – бирюзовый, в серебряную крапинку. И полотенце.

Джорджи не звонил. Должно быть, ему мама не разрешала. Выпуская дым изо рта, она наверняка кричала что-то о гордости, о том, что меня надо крепко держать в руках...

Я нырнула в ледяную воду, которая спустя несколько секунд показалась мне теплой. Еще раз нырнула, с головой, со всеми своими проблемами и обидами. Вспомнились бесчисленные пляжи, где мы валялись на песке с Джорджи. Девушки буквально не сводили с него глаз. И я ревновала. Но эта ревность была приятной. Я знала, что он любит только меня.

Но вода не смыла с меня ощущения того, что я живу как-то не так. Что мой курортный роман на самом деле затянулся и пора бы определиться с моим будущим. С одной стороны, во мне еще продолжал жить Джорджи, мужчина, в которого я была страстно влюблена и которого уже успела принять как самого близкого человека. С другой, мне не посчастливилось – я разочаровалась в нем, он стал меня раздражать, поскольку его образ ассоциировался у меня с Магдаленой. Она была классической третьей лишней. Мысленно я уже несколько раз убила ее. Вот так!

Между тем мы лежали с Райной на песке, и мне до смерти вдруг захотелось поделиться с ней. Ведь она была почти моей ровесницей, хорошо говорила по-русски и могла бы понять меня. Но так мне не хотелось оказаться униженной в ее глазах! Не хотелось, чтобы она думала обо мне как о неудачнице, как о легкомысленной особе, выскочившей замуж за первого встречного смазливового парня. Разве так надо подбирать себе мужа, отца будущих детей? И разве достаточно одной красоты для крепкого брака?

Может, мне стоит все бросить и улететь в Москву? Вот прямо сейчас?! А отец потом пришлет в Шумен своего поверенного, который от моего имени разведется с Джорджи и отсудит у него половину имущества, купленного на мои деньги?

Я даже вскочила, окатив Райну россыпью золотого песка. Сердце мое бешено колотилось. Я уже видела себя мчащейся на такси в Варну, в аэропорт... В сущности, можно, если пока нет рейсов на Москву, остановиться в любой гостинице и ждать дня вылета. Можно жить свободной, счастливой жизнью, какой я жила до встречи с Джорджи... После развода нога моя не

ступит на эту теплую, пахнущую травами, розами и солнцем землю! И Болгария будет вычеркнута из моего сознания навсегда.

Внезапно раздались какие-то крики, шум, на пляже произошло какое-то движение... Женский вопль прорезал солнечный спокойный день, внеся в него тревогу и страх.

Райна тоже подскочила, потому что продолжать лежать на песке, когда кто-то так истошно орет, было просто невозможно. Мы с ней, подхватив свои сумки, бросились к тому месту, где уже начинала образовываться толпа полуголых, загорелых людей с испуганными лицами.

Оказалось, что зарезали женщину. Вероятно, как утверждала ее подруга, пришедшая с ней вместе на пляж, это сделал ее муж – он страшно ревновал ее и не отпускал вдвоем с приятельницей на море. Женщина вышла из воды и обнаружила ее – под зонтом, прикрытую с головой полотенцем, которое быстро напитывалось кровью... Никто из соседей ничего не заметил. Все, как обычно, были заняты собой, лежали, прикрыв глаза в сладкой дреме...

– Значит, подошел незаметно, пырнул ножом – и исчез. Растворился в толпе, – произнесла потрясенная Райна, глядя на торчавший из живота женщины нож.

– Она жива, видишь, еще дышит... Думаю, ей уже вызвали «Скорую», – сказала я, чувствуя, что готова разрыдаться. Нервы мои, оказывается, сдавали. А еще я вдруг поняла, что я – не свободна. Что у меня есть муж, который может тоже – вот так... ножом... Или это не про Джорджи? Может, мне хотелось, чтобы мой муж меня так же ревновал? Между тем прошло уже столько времени, а он так и не позвонил. Сидит сейчас со своей мамулей на террасе моей квартиры, курит, пьет кофе и рассуждает о том, что лучше бы ему было жениться на своей, на болгарке, тогда и разбирались бы легче...

Мы с Райной вернулись на наше место, закурили. Рядом с нами располагалось маленькое кафе, прямо на песке. Пол, сколоченный из гладких досок, шесть длинных столов, полированные желтые лавки, красные скатерти, и над головами парусом трепещет зеленый тент. Пахнет жареной рыбой и кофе.

Мы с Райной поняли друг друга без слов. Поднялись. Отряхнулись от песка и поднялись по ступенькам в кафе, сели возле большой, словно бы уставшей от жары пальмы. Мальчик в цветных пляжных трусах, вероятно сын хозяев, из большой пластиковой бутылки поливал высаженные в горшках герани и петунии, которые украшали это, в общем-то, примитивное заведение.

– Цаца, жареный хлеб и кола, – сказала Райна разгоряченному толстяку за стойкой, обладателю толстой золотой цепи и такого же мощного и тяжелого браслета на волосатой, мокрой от пота руке. Его рубаша в мультишных пальмах и попугаях была тоже пропитана потом.

– И мне то же, – повторила я заказ Райны.

Цаца – это, я думаю, та же килька. Обвалянная в муке с солью и зажаренная в кипящем масле.

– Надо было пива взять, холодного, – вдруг пожалела я. – Ты-то за рулем, а я – нет.

– Так возьми!

Но из солидарности с Райной я тоже пила колу.

– Если она выживет, представляешь, сколько ей понадобится операций? Я всегда об этом думаю. У моей сестры операция была, так все дорого... И тогда я решила застраховать свою жизнь. Если со мной что-то случится, то страховая компания оплатит лечение, – сказала она.

– Хорошая мысль, – поддержала я ее, в душе понимая, что уж я-то страховать никогда не стану. Что мне достаточно будет обналичить деньги, чтобы меня подлечили как следует. Но говорить этого вслух я, понятное дело, не собиралась.

– У тебя телефон молчит. Ты что, никому не нужна? – неожиданно спросила Райна и засмеялась. – У меня каждый день – сто звонков...

Я достала свой телефон и поняла, что он отключен. Вероятно, он отключился сам, а может, я сама его вырубилла во время ссоры с Магдаленой. Включив его, я увидела, что мне звонили много раз и послали шесть эсмэсок.

«Ты где?» «Ответь». «Позвони». «Я схожу с ума». «Извини, что так получилось».

От этих скупых посланий мне стало еще хуже. Ни слова о любви! Джорджи меня не любит! И не любил никогда. Иначе он не слушал бы свою мать, а жил бы со мной, нашими общими интересами. А ее послал бы куда подальше...

И снова мне захотелось поговорить с Райной, рассказать ей обо всем, что произошло со мной за эти последние месяцы, спросить ее – нормальна ли эта ситуация, когда сын следует исключительно советам матери, для Болгарии или национальность здесь совсем ни при чем? Но я снова промолчала. Не хотелось выглядеть глупой и брошенной.

– Жаль, что мы не доехали до Албены... И не посмотрели дом.

– Так поедem!

Она сказала это так легко, что чувство легкой неприязни к ней, возникшее у меня еще в машине, когда она объясняла мне все о невозможности иностранцу купить землю, исчезло. Мы пообедали, сели в машину и покатили в Албену.

* * *

На высоком берегу сияла двухэтажная вилла, белая, с красной новенькой черепицей на крыше. Внизу дом опоясывала чудесная, с белыми фигурными балясинами балюстрада террасы, увитая густыми цветущими растениями; парадное крыльцо спускалось к кованым воротам, откуда открывался вид на море. Вилла буквально утопала в зелени.

– Как красиво! – вырвалось у меня, когда я вдруг представила, что этот прекрасный дом может принадлежать мне одной!

Странное чувство пьянящей свободы охватило меня – я подумала: как Джорджи неожиданно вошел в мою жизнь, так он может и исчезнуть из нее. Вместе со своей ненасытной мамашей! А новая волна разочарования накрыла меня, когда перед моим мысленным взором начала всплывать одна картина моей странной супружеской жизни за другой. И почему-то при мысли о моем муже я увидела его только со спины, а его лицо превратилось в какую-то расплывчатую маску. Получалось, что я никогда не любила его, просто увлеклась этим красивым парнем, который на поверку оказался совершенно не тем, кем я его себе представляла. Он – типичнейший маменькин сынок, для которого мнение Магдалены – самое важное в его жизни. Он не способен принимать собственных решений. И каждый его шаг продиктован именно ею. Пуповина, соединявшая их в ее чреве, так и не порвалась, и они взаимно подпитывают друг друга чувствами, мыслями, идеями, желаниями. Они – единственные близкие друг другу люди, и я в число таковых, к моему большому сожалению, так и не вошла. Ну и пусть, подумалось мне тогда с легкостью.

Однако пока я нахожусь в браке, покупать этот дом мне как-то не с руки. После развода придется делить его с моим (а он тогда уже станет бывшим) мужем.

И все равно эта поездка дала мне многое. Я хотя бы поняла, что могу без особых страданий расстаться с Джорджи. А это для влюбленной еще недавно девушки не так уж и мало!

– Значит, это Албена... – зачем-то произнесла я, глубоко вдыхая чистый морской воздух.

– Нет-нет, это вовсе не тот дом, который мы с тобой присмотрели, – неожиданно для меня сказала Райна. – Это другое место. А сейчас мы поедem в Албену. Там вилла ничуть не хуже. Но значительно дороже.

– Почему?

– Потому что это – Албена! – произнесла она многозначительно, словно я могла понять суть этого заявления.

– А! Золотые Пески, Албена, Балчик...

– Вот именно. Там все дороже.

– Может, посмотрим дом в Албене? – Я не могла признаться ей в том, что цена в данном случае роли не играет. Что я могу, если только захочу, купить хоть несколько таких вилл на побережье.

Она посмотрела на часы:

– Хорошо, поехали.

Мы поднялись на машине на основную магистраль и заскользили по ровной гладкой дороге в Албему.

И снова я увидела чудесную виллу. Чем-то даже похожую на ту, которую мы только что осматривали. С той разницей, что она была поновее, располагалась повыше над морем и растительности на участке было гораздо меньше.

– Нет, та понравилась мне больше. И вообще, Райна, мне надо с тобой поговорить...

Мы вернулись в машину.

– Домой? – спросила она меня.

– Вернемся сначала на ту виллу, первую. Кстати, как называется это место?

– Кранево.

– Значит, в Кранево. Я хочу купить эту виллу, но чуть позже. Возможно... – Я помедлила, еще не представляя себе, как я вообще произнесу то, что собираюсь сказать. – Словом, я могу развестись с мужем, а потому мне не хотелось бы покупать эту виллу, находясь в браке. Я хотела бы найти хорошего адвоката, чтобы он помог мне с разводом, а потом уже куплю этот дом.

– Но он может быть продан уже завтра! У меня есть на него двое покупателей. Хотя они отчаянно торгуются... Хозяева не уступают, а отказаться от своих комиссионных я тоже не могу, потому что купила вот эту машину и взяла кредит...

Конечно, у каждого – свои планы. Хотя, возможно, она блефовала, как каждый профессионал. И никаких покупателей на виллу у нее пока нет.

– Я оставлю задаток. Ровно столько, чтобы ты покрыла свой кредит, а ты сделай так, чтобы с продажей повременили хотя бы месяц.

– Надо будет заключить договор. Все не так-то просто.

– Но что же делать? Вилла стоит дорого. Я нахожусь в состоянии развода и не собираюсь делить этот дом с Джорджи! – воскликнула я, с каждой минутой испытывая чувство необъяснимой радости при мысли о разводе.

– Понимаю. Надо все обдумать... А с адвокатом я тебе помогу.

* * *

Как часто я потом вспоминала эту поездку! С каким сожалением, что не осталась на этой вилле, а вернулась в Шумен! После морского побережья он показался мне мрачным и каким-то зловещим. И даже официантки в кафе, казалось, были настроены против меня. И продавщицы в магазинах, не желавшие понимать моего «болгарского». Конечно, я разговаривала с ними на гремучей смеси языков, но просила их лишь о каких-то простых вещах – продуктах, и, как мне казалось, даже любой болгарский ребенок мог бы меня понять.

Словом, вернувшись, я почувствовала себя уж очень мерзко. Мы договорились с Райной, что она позвонит мне и сообщит, когда ее знакомый адвокат сможет принять меня.

Я вернулась домой и нашла Джорджи, спящего в нашей спальне. Магдалена курила в гостиной и делала вид, что она не замечает меня.

На кухне был беспорядок, раковина – полна посуды. Мне подумалось почему-то: это даже хорошо, что я не успела еще купить посудомоечную машину. С каким-то злорадством я пред-

ставила себе, как после моего отъезда Магдалена будет продолжать мыть посуду сама, своими руками, в резиновых перчатках.

Чтобы наметить план действий, я принялась мыть посуду. Знала, что Магдалена не станет разговаривать со мной до тех пор, пока не проснется Джорджи. Что только вдвоем они – сила. К тому же, возможно, она и сама находилась в той стадии, когда надо было определяться – то ли давать от ворот поворот русской снохе, теряя при этом «денежный мешок», либо попытаться как-то наладить с ней отношения, чтобы сохранить все купленное мною в браке, а то и вовсе успеть до развода (а я не считала, что она об этом не задумывалась!) прикупить еще парочку-другую квартир.

Но в таком случае она должна была бы встретить меня не с кучей грязной посуды, а совсем иначе и улыбаться при этом до ушей...

Ладно, посмотрим, что будет дальше.

Проснулся Джорджи, заглянул на кухню, молча подошел ко мне и обнял. Потом он как-то странно всхлипнул, уткнулся носом в мое плечо и сказал, что он любит меня, не может без меня жить и – он виноват в том, что произошло. Но и отвечать за поступки другого человека, даже если это его мать, он тоже не может.

– Я поговорил с ней, она очень сожалеет о том, что произошло. Она просто очень любит меня, и ей постоянно кажется, что меня от нее отнимают. Это обыкновенный материнский эгоизм.

– Так, может, ты женишься на своей матери? – холодноватым тоном предложила ему я. – А что, она еще вполне молодая...

– Я понимаю. Тебе больно...

Мне захотелось закричать, что все происходящее с нами в последнее время – полный идиотизм! Что так жить нельзя! Жизнь состоит не только из удовлетворения естественных человеческих потребностей. Она многогранна и интересна, и самое ценное в ней – это отношения между мужчиной и женщиной. И та любовь, которая вспыхнула между нами (а она именно вспыхнула, поскольку я не была готова к такому буйству чувств в себе самой), представляла собой куда бо́льшую ценность, чем этот ленивый, бездеятельный образ жизни, грозивший превратить нас обоих в животных! А поведение его матери, которая, обнаружив, что ее сноха – дочка русского миллионера, не стесняясь, скупает недвижимость, делая при этом вид, что она заботится исключительно о нас с Джорджи, а на самом деле только и думает о том, как бы разбогатеть за чужой счет, – просто позорно! Но я только и сказала:

– Понимаешь, Джорджи, вся беда, а может, и счастье в том, что мой отец и мой брат – оба очень любят меня, а потому с самого детства они позволяли мне делать все, что мне заблагорассудится. Другой отец на его месте ни за что не позволил бы мне выйти замуж за какого-то непонятного болгарского парня, по сути, нищего. Он не стал бы слушать мои доводы относительно того, что я люблю этого парня и все такое... Он постарался бы сделать все возможное, чтобы выдать меня замуж за миллионера, нефтяного магната и так далее. Потому что деньги в нашем мире (так было всегда и так будет) играют колоссальную роль! Но я приехала сюда, в Шумен, не для того, чтобы покупать квартиры для твоей мамы. Ты должен определиться – с кем ты! И чего ты хочешь. Если ты желаешь продолжать жить с Магдаленой и слушать ее и при этом оставаться владельцем купленных на мои деньги квартир, ты должен развестись со мной. Вот и все. Если же ты готов начать новую жизнь, где главным человеком буду я, тогда нам с тобой следует жить самостоятельно и как можно реже видеть твою мать. Один раз в месяц – вполне достаточно. Ты должен заняться каким-нибудь своим делом, только определись – и я помогу тебе с начальным капиталом. Что ты умеешь делать? Чем хочешь заниматься? К чему, как у нас говорят, у тебя душа лежит? Если тебе не нравится возиться с ремонтом машин, ты мог бы, как предлагал мой отец, заняться бензиновыми станциями. Но этим надо заниматься плотно! Отец прислал бы тебе верного и надежного помощника, он подсказывал бы тебе все,

как говорится, пошагово... Ты бы сам научился зарабатывать деньги и почувствовал бы себя совсем по-другому...

Он слушал, опустив голову. Его черные локоны закрывали лицо.

– Джорджи, ты почему молчишь? Чего ты хочешь?

– Я хочу есть, – сказал он с виноватым видом. – Когда я голодный, я ничего не соображаю. И, конечно, мне нужно время, чтобы понять, что мне нужно. А с мамой... С мамой мы вопрос решим. Вернее, я решу. Знаешь, – он еще крепче обнял меня и поцеловал в макушку. – Я очень испугался сегодня, когда ты вдруг исчезла... Мы с мамой не знали, где ты. Мы чуть с ума не сошли! Твоя машина стоит на месте, а тебя нет. Я обошел весь бульвар, но не нашел тебя. Где ты была? Ты – иностранка. С тобой может случиться все, что угодно!

– Я ездила к морю...

– Куда?

– Говорю же – к морю.

– И что ты там делала? И на чем ты поехала?

– Какая разница?

Мне не хотелось разговаривать с ним. Часы моего отсутствия ничему его не научили. Еще немного, и он начнет рассказывать мне о страшных цыганах, которые могут украсть меня! Станет разговаривать со мной, как с маленькой девочкой...

– Хорошо, сейчас я приготовлю что-нибудь, и мы поужинаем. Только скажи Магдалене, чтобы она убиралась, – сказала я в сердцах, не представляя себе, что буду кормить ее ужином. Разве что положив предварительно в ее тарелку внушительную дозу мышьяка.

– Но как я ей скажу, чтобы она уходила? Это невозможно! У нас так не принято!

– Тогда отправляйтесь с ней в ресторан и ужинайте там. А я останусь дома. Только потом отправь ее, пожалуйста, домой.

Я поймала себя на том, что ни разу еще не разговаривала таким тоном с мужем. Больше того – я не воспринимала его как мужа. Мой курортный роман завел меня в тупик. Мне предстояло избавиться от располневшего на банничах и жареной картошке здорового парня-эгоиста.

– Но... У меня нет денег. Наличных.

Можно подумать, что у него есть безналичные! Да его банковские карты пусты, как и карманы!

– Попроси у своей матери. Пусть она тебя покормит.

И Джорджи с матерью ушли. Тихо, как мыши, они покинули дом. А я приготовила себе бутерброды, сварила кофе и поужинала. Голова моя шла кругом. Я ругала себя за то, что так и не затеяла с ним разговор о разводе. Хотя, возможно, я правильно сделала, ведь лучше беседовать об этом с глазу на глаз.

* * *

Как ни странно, но мы прожили вместе с Джорджи еще четыре месяца. Оказывается, развестись в Болгарии не так-то просто.

Моя страсть к Джорджи улеглась. Улеглась на кровати, *рядом* с ним, но не с ним в обнимку. Как хотелось мне поговорить со своими подружками о страсти, о том, какая же она стихийная, неуправляемая и опасная для жизни штука. Смертельно опасная! Что под воздействием страсти люди способны совершать необдуманные поступки, вляпываться по самые уши в грязные истории, бросать мужей и детей; что страсть – это как океан или пусть даже как море, холодное, но оно кажется тебе горячим, пьянящим. Страсть – это полное сумасшествие! Но, что не так уж и плохо, страсть не вечна. Она, исчезая, оставляет вас наконец-то в покое,

и вы, осматриваясь и видя те разрушения, что она принесла, все еще не верите, что все это произошло с вами. Это как после попойки в только что отремонтированной квартире: весь паркет залит шампанским по колено, в нем плавают крошки отвалившейся штукатурки, куски рваных обоев, а под ногами колются-режутся осколки хрустальной люстры... И повсюду следы борьбы – это вы боролись с собой, со своей чувствительностью, со своими неуправляемыми желаниями. Не удивляйтесь, если под вашими ногами захлюпает кровь – она будет сочтаться прямо из сердца. И растворяться в шампанском. А шампанское, в свою очередь выдохшись, превратится в приторный, прокисший виноградный сок...

Хотя иногда страсть напоминает мне теплый, пряный ветер, сносящий все на своем пути, все, что прежде радовало нас и вносило в жизнь ощущение определенного порядка.

Страсть – это спутанные волосы, потные тела, горячие губы, хруст морского песка на зубах, вкус вина на языке и разросшееся непомерно сердце, переполненное желанием любить.

Страсть, наконец, – это болезнь, которая ощущается лишь под утро, когда ты лежишь на голубоватых от утренних сумерек простынях и не чувствуешь в себе силы жить дальше. Когда каждая твоя клетка просит об отдыхе...

Страсть – это глубокий и черный колодец со слезами.

Все последние месяцы жизни с Джорджи – это была борьба моей памяти о страсти с реальностью. Мое тело довольно долго отвыкало от тела Джорджи. Думаю, нечто похожее происходило и с ним самим. Догадывался ли он, что я собираюсь оставить его? Насовсем? Не думаю. Оказалось, что он слишком глуп для подобных предположений. Ему думалось, что я ради брака с гражданином Евросоюза готова на все. И что мне не мила моя Москва. Глупость! Глупость! Я время от времени связывалась по скайпу со своими московскими подружками и просила рассказывать мне все-все, что происходило в их сумасшедшей, веселой, ночной московской жизни. И я словно присутствовала там, где были они. Еще мы перезванивались, и я могла услышать, замерев на балконе своей шуменской квартиры, шум и грохот музыки, крики и смех своих подруг, веселящихся на очередной вечеринке или в клубе. В такие минуты мне хотелось заказать такси и попросить отвезти себя в Варну или Софию (где есть самые близкие авиарейсы на Москву), и пропади все пропадом!

Я едва сдерживалась. Но, с другой стороны, я понимала, что прежде, чем я покину Болгарию, я разорву с ней свой гражданский брак. Аккуратно разрежу все нити, которые связывали меня с ней. С Джорджи. Хотя теперь мне его все больше хотелось звать Горги. Как того желала его мама.

Райна, как и обещала, помогла мне с адвокатом. Высокий, с прилизанными волосами и мясистыми красными щеками, в джинсах, светлых пиджаках и неизменных ботинках со шпорами (жуть!), Венци (Венцеслав! Ни больше ни меньше) подготавливал почву для развода.

Конечно, я могла бы подключить к этому делу хотя бы моего брата Илью, который немедленно примчался бы в Шумен и разрулил бы ситуацию в считанные дни. Сначала он бы морально уничтожил Джорджи вместе с его мамашей. Не сдержался, упрекнул бы его, во-первых, за то, что не было свадьбы. Во-вторых, за то, что муж нигде не работает и живет за счет жены. В-третьих, в-четвертых... Он превратил бы Джорджи в фарш! Потом нашел бы людей, которые помогли бы ему быстро, без проволочек, развести нас. И увез бы меня домой, целую, невредимую. Не знаю, не понимаю, почему я не поступила так? Почему не вызвала брата на подмогу? Вероятно, мне было элементарно стыдно, что я вот так взяла и вышла замуж, не подумав. Хотя знала ведь, что уж Илья-то никогда и ни в чем меня не упрекнет, что он любит меня самозабвенно, любит и скупает.

Конечно, мы перезванивались, и я старалась говорить голосом счастливой новобрачной. Вероятно, у меня не так уж и плохо получалось, раз Илья ни разу ничего не почувствовал. Или он просто знал, что, если мне будет худо, я скажу ему. Обязательно.

«— Послушай, ты же техник, ты же столько лет держал эту проклятую автомастерскую! Забыл, как устроены тормоза? И что там надо перерезать, чтобы эта курва потеряла управление и разбилась в пыль?»

До сих пор слышу этот голос моей свекрови. Слово «курва» на болгарском означает самое худшее из всех определений, которые только могут быть отнесены к женщине.

«— Думаешь, это так просто – убить свою жену?

– Ты не понимаешь... Вы – на грани развода! И ты, и она – вы оба это знаете. Но она что-то задумала, я это чувствую! Иначе она давно бы уже подала на развод. Думаю, она собирается вызвать сюда своего отца. А он, уж будь спокоен, сделает все, чтобы отсудить у нас все нажитое... Вернее, ты сам понимаешь... Раз уж так все сложилось, что у нас появились эти апартаменты, мы должны сделать все возможное, чтобы это сохранить. У тебя впереди целая жизнь, ты молод. Ты же не собираешься ишачить где-нибудь, ремонтируя машины или занимаясь какой-нибудь другой грязной работой? Твой отец был, ты уж извини, белоручкой, и ты вырос точно таким же. Он всю жизнь болтался и без работы, и без каких-то перспектив... А тебе судьба дала шанс! И ты не случайно встретил Грету... Тьфу, имя-то какое!»

Когда я случайно услышала все это, то подумала – я просто сплю и мое воспаленное воображение плавно перетекло в другую грань своего существования, я уснула с мыслями о разводе, в страхах за свое будущее, потому и приснилось мне все это... Ну невозможно было поверить, что Джорджи, которого я еще недавно страстно любила, вдруг превратился в моего потенциального убийцу, планирующего мою смерть! Надо было что-то предпринимать, как-то остановить этот разговор...

Они, Джорджи и Магдалена, не знали, что я уже вернулась из магазина, где покупала пиво. У меня мягкие швейцарские кроссовки, и я ступаю в них бесшумно, как тень. Записать бы этих заговорщиков на диктофон, чтобы потом предъявить их беседу полиции...

Однако меня захлестнула вдруг такая жаркая волна ненависти, что я подумала – и полицию-то вмешивать в это сугубо семейное дело не следует. К тому же она наверняка будет на стороне своих соотечественников. Мне надо защититься, это первое. Второе – сделать так, чтобы они сами попались в свою же ловушку. Но вот как это устроить? Что бы такое придумать?

Одно было ясно: оставаться в квартире, где двое людей собираются меня убить, – опасно.

«— Но если приедет ее отец, будет настаивать на расследовании катастрофы и выяснится, что кто-то подрезал тормозные шланги ее «Ситроена», то подозрение в первую очередь падет на меня. Лучше сделай это ты, мама.

– Бог с ними, с этими шлангами... Существуют и другие способы убийства. Яд, к примеру. Его можно подмешать в кофе, но сделать это надо не дома, а где-нибудь в кафе или в ресторане... Все нужно обдумать, Горги. Иначе мы снова останемся нищими! А я так привыкла к этой квартире! Мы здесь так хорошо все обустроили. Когда ее не станет, я непременно куплю посудомоечную машину... Жизнь так коротка, я не хочу доживать свой век в нищете...

– А тебе ее не жалко? Совсем? В сущности, она же не сделала тебе ничего плохого. Напротив – она купила тебе квартиру, и вообще, мы все эти месяцы жили, как у Христа за пазухой.

– Какой же ты у меня еще дурачок, Горги! Да, вот еще что... Помнишь мою сестру? Она умерла от обыкновенного перитонита. И в больнице к ней относились как к нищей. Когда она умирала, к ней никто даже не подошел! Все тогда говорили, когда она умерла, что, будь у нее страховка, за ней бы лучше присматривали. Муж бы занял денег, а страховая компания

выплатила бы им все, что они потратили на лечение. Вот как бы нам уговорить Грету, чтобы она застраховала свою жизнь?

– Мам, ты сама-то слышишь, что говоришь?! Зачем ей, миллионерше, какая-то там дурацкая страховка? Ей достаточно только пошевелить пальцем, и она выкачает из банкомата все наличные, чтобы расплатиться за лечение. Нет, этот номер не пройдет».

Услышав это, я вдруг поняла, что именно этого-то мне и не хватало. Страховка! Вот и Райна летом говорила о страховке... Предположим, что я застрахую свою жизнь, Магдалена не станет ждать и постарается привести свой план по моему уничтожению в жизнь. Она будет торопиться, я это уже поняла.

Я уже видела свою разбитую, дымящуюся машину на дне оврага, а в ней – обгоревший труп... Но не свой, разумеется! Магдалена заявится в страховую компанию и предъявит этот труп, скажет, что это я погибла. Разве там, в этой конторе, не обратят внимание на то, что я только что застраховала свою жизнь – и тут же погибла? Начнут расследование, в результате которого выяснится, что тормоза моей машины были намеренно испорчены кем-то...

Только вот где раздобыть труп? Украсть из морга? Но как? Поручить это кому-нибудь из тех, кто имеет доступ в это святая святых, в это страшное место?..

Единственным человеком, с кем я могла бы более или менее удачно договориться, была Райна. К тому же она нуждалась в деньгах. Но как будет действовать она? Местная, она найдет нужного человека, пообещает ему деньги... Что ж, неплохой план! Вот только надо бы встретиться с ней, поговорить. Хотя, представляя себе подобный разговор, я словно слышала, как она советует мне снова обратиться к адвокату, чтобы тот помог поймать за руку злоумышленников. Уж он-то наверняка знает, что нужно сделать, чтобы предотвратить убийство и одновременно – посадить за решетку Джорджи с его матерью.

«– И все же ты попробуй... Знаешь, я много размышляла о вас с Гретой. Все спрашивала себя – почему она до сих пор не подала на развод? А что, если причина кроется не в желании разорить тебя и не в том, что она как будто чего-то выжидает... Может, все гораздо проще и она любит тебя? Ведь именно это чувство привело ее сюда. Она могла бы выйти замуж за миллионера, которого нашел бы ей отец. И могла бы жить не в Болгарии, прямо скажем, не самой богатой стране мира, а во Франции, в Англии... Ты не представляешь себе размер состояния ее отца... Он – Крез!!!

– К чему ты клонишь?

– К тому, что можно было бы поиграть на ее чувствах, понимаешь?

– Я не совсем понимаю...

– Вот чего она хочет, ты знаешь?

– Да. Она хочет дом, сад, семью и детей.

– Вот и купите дом! У моря. Красивый, дорогой дом. И пусть она там себе сажает свои растения, разбивает цветники... У нее же специальность такая – ландшафты.

– А я что? Превращусь в ее садовника? Стану полоть траву? Она ведь уже не воспринимает меня всерьез. Она поняла, что я никогда не буду работать... Она и так уже презирает меня.

– Так сделай вид, что ты собираешься работать. Скажи, что тебя тоже увлекает ландшафтное проектирование. Во всяком случае, это лучше, чем заниматься бензиновыми станциями или ремонтом машин. Пусть она научит тебя, как обустраивать сады и парки. Будете сидеть с ней в уютном теплом доме и высаживать цветочки! Влюби ее в себя – по-настоящему, а потом плавно перейди к тому, как ты дорожишь ею. Словом, подведи ее к разговору о страховке.

– Мама, это слишком грубо.

– Ничего не грубо! Словом, сделай так, чтобы она окончательно поверила в то, что ты собираешься жить с ней дальше, намерен завести с ней детей, что ваш брак – это навсегда...

И вот когда ты полностью усыпишь ее бдительность, тогда и приступай к уговорам и беседам о страховке. Но уж если ничего не получится, ты все сделаешь так, как мы с тобой договаривались. Тормоза ли выведешь из строя, отравишь ли ее – роли не играет. Но когда ее не станет, страховые агенты, появившись в вашем доме, убедятся в том, что вы были чудесной парой и строили планы на будущее. Ты покажешь им, изображая убитого горем молодого супруга, ваши дизайнерские проекты, предъявишь заготовленные саженцы и семена. Горги, зато, когда все закончится, у нас будет дом на море!!!»

Почему я раньше не поняла, что Магдалена – психически нездоровый человек? Ведь тот план, что она предлагала ему, – самая настоящая дикость! К тому же сколько в нем было цинизма и расчета! Как же я ненавидела ее в ту минуту...

Я стояла в передней, слушая их разговор, и понимала, что не могу оставаться в этом доме ни минуты.

Я вышла на цыпочках из квартиры и пожалела, что не прихватила с собою теплую непромокаемую обувь и шубу. На мне была лишь легкая спортивная куртка, тонкие джинсы и кроссовки – словом, одежда, в которой можно сбегать в соседний магазин за сигаретами или пивом.

Между тем какая же на улице бушевала непогода! Дождь со снегом бросался на съезжившихся, кутавшихся в легкие тонкие куртки прохожих. Я давно уже заметила, что в этой теплой стране к зиме относятся крайне несерьезно, и даже в пятнадцатиградусный мороз практически никто, кроме пожилых людей, не носит головные уборы. И обувь все предпочитают почти летнюю. В магазине резко встретишь сапоги на мутоновой подкладке, самый распространенный утеплитель – байка. Зато на полках красуются сапоги из искусственной замши, даже из вышитого атласа. Не обувь, а какие-то игрушки для взрослых людей! Люди, словно бы на миг выйдя из дома, бегут по улицам, замотав вокруг шеи шарф и будто зная, что через пару часов холод и вьюгу сменит теплый погожий денек. Моя теплая обувь и шуба вызвали бы, пожалуй, недоумение у граждан – мол, это тебе не русская зима! Может, и не русская, но все равно – холодно.

Я забежала в кафе. Горячий кофе мне не помешал бы, хотя бы для того, чтобы немного согреться и собраться с мыслями.

Итак. Меня собираются убить. Пусть не сегодня, а позже, когда-нибудь, когда я застрахую свою жизнь, но все равно – неприятно.

Бежать? Возвращаться в Москву? Но где гарантии, что зло будет наказано? Что Джорджи следующим летом не отправится на экскурсию в Москву и не привезет оттуда на свою родину следующую русскую дурачку? У Джорджи есть многое из того, что нравится женщинам, и в первую очередь – это его породистость, его природная красота и обаяние. Глядя на него, просто невозможно себе представить, что он способен на убийство. Кроме того, на его высоком гладком лбу имеется печать интеллекта. То есть он не похож на пустого безголового красавчика. При виде его человеку кажется, что Горги не только красив, но и развит, умен, что на него можно положиться. Кроме того, он обладает определенной интеллигентностью, у него неплохо поставлен голос, он довольно солиден, и даже легкая полнота ему идет. Такие мужчины очень нравятся женщинам. Любой девушке приятно будет пройти с ним под ручку, не говоря уже о том, чтобы заполучить такого породистого жеребца в личную собственность. А уж какие красивые от него родятся дети!

Нет, так просто я сдаваться не намерена. И я все сделаю сама! Без папы и Ильи.

И тут – я не поверила своим глазам – на дисплее телефона, под приятное мурлыканье сигнала, появился портрет папы. Он позвонил мне ровно тогда, когда я о нем подумала. Когда решила для себя, что не стану отвлекать его от работы и тем более пугать его, что я – его дочь, а потому все же, наверное, унаследовала кое-какие черты его характера.

– Па? Привет! – Мне показалось, что лицо мое свело судорогой, и я, сдерживая слезы, защебетала: – Знаешь, здесь зима такая мягкая... Все ходят в костюмчиках, легких курточках...

– Грета, как дела? Ты давно не звонила. Не писала. Мы с Ильей переживаем. Это хорошо, что ты сейчас скупаешь недвижимость, поверь мне, в Болгарии она скоро поднимется в цене. Вот переживем кризис – и купим часть побережья в районе Созопола. Я знаю также, что англичане, уставшие от своих дождей и туманов, тоже скупают домишки в деревнях. Но меня интересует другая сторона твоей жизни... – Голос его звучал встревоженно, но был по-прежнему мягким, родным. – Ты счастлива?

– Да, папа... – промямлила я, не найдя в себе сил ответить бойко, весело, как и подобает влюбленной и любимой новобрачной.

– Понятно. Грета, ты знаешь, я никогда не давил на тебя, ты всегда шла своей дорогой. Но твой Джорджи – бездельник и бабник! Я навел справки. Вот не хотел этого делать, но все равно – не выдержал. Возможно, тебе об этом больно слушать, но два года тому назад он жил с одной французской подданной, ее звали Мари Аньес, она была старше его почти на пятнадцать лет... Так вот. Он прожил с ней в Тулузе около полугода, обобрал ее до нитки и исчез, бросив ее беременной. Это в ее-то возрасте! Еще. У тебя есть свекровь. В свое время на нее было заведено уголовное дело, ее подозревали в убийстве ее мужа...

Я, слушая папин голос, ловила себя на мысли, что подобная информация обычно «подается» в конце какого-нибудь криминального романа, главной героиней которого я сейчас и являлась. А тут – полное разрушение конструкции сюжета! И мне, как незыблемую данность, преподносят на блюдечке преступницу – свекровь.

– И что, это действительно она его убила? Кажется, он умер на операционном столе. Не знаю, чем он болел.

– Она была признана душевнобольной, провела восемь месяцев в психиатрической клинике, после чего ее отпустили. Вроде бы она поправилась, – сказал он.

– И ты, зная обо всем этом, молчал?!

– Я узнал все это всего лишь пятнадцать минут тому назад. Пока тебе дозвонился... – словно оправдывался мой папа. Я была потрясена. – А раньше я не занимался этим вопросом потому, что мне и в голову не могло прийти, что ты, ты – моя дочь, – можешь вляпаться в такое... семейство!

– Что натолкнуло тебя на мысль навести справки о моем муже и свекрови?

– Твое молчание, – коротко ответил он, и я услышала, как он вздохнул там, в Москве. – И еще – твой тон. Я же твой отец, я знаю тебя как облупленную! Я знаю твой голос, когда ты бываешь счастлива, и знаю, как он дрожит, когда тебе совсем плохо. К тебе отправить Илью? Вот, он буквально рвет из рук трубку...

– Привет, сестренка! – закричал брат.

И тут я разрыдалась.

– Ты что? Совсем уж плохо? Возвращайся! Сделаешь наш любимый с отцом омлет с клубникой. А если серьезно, то вали оттуда, все бросай и приезжай... Поедем охотиться на львов!

– Я приеду, но только не сейчас.

– Хочешь привести все дела в порядок? Развестись? Я могу помочь тебе в этом.

Мне захотелось крикнуть в трубку: «Папа, Илья, меня собираются убить! Увезите меня отсюда!» Хотелось, но я не крикнула. Я покину эту страну только после того, как куплю здесь ту чудесную виллу в Кранево! Но куплю я ее, уже будучи свободной.

– Скоро Рождество... У меня есть подруга, думаю, я отмечу праздники вместе с ней, за городом. Потом она поможет мне с разводом, у нее хорошие связи. Вот тогда я и вернусь. Правильно ты говоришь – я хочу сперва закончить все свои дела.

– Обещай в следующий раз знакомить нас со своими мужьями. – Я почти воочию увидела, как Илья грозит мне пальцем. – Договорились?

– Хорошо. Папу мне дай!

– Грета, я буду тебе звонить, – сказал отец.

– Слушать мой голос?

– Не только. Я соскучился! К тебе я не приеду – не хочу. Боюсь, что пришибу этого твоего Джорджи... А с Магдаленой этой... будь поосторожнее. У нее с головой не все в порядке, сказал же. Ты бросила курить?

– Нет, – честно призналась я. – Еще больше курю, чем в Москве. Па, здесь все пьют кофе и курят. Прямо образ жизни. Вот и я обогарилась.

– Это не только в Болгарии. Я вот вернулся недавно из Германии, так там – та же картина. Кстати, я купил тебе плед. Белый, шерстяной. Как ты хотела. Возвращайся, зарывайся в свою теплую норку и приходи уже в себя... А Илья накопил тебе разных платьев и штанов. Привез из Парижа. Звучит, конечно, пошлово, но платья все – летние, в цветах, с пышными юбками. Ты же у меня такая красавица! Будь моя воля – ни за что бы не отдал тебя замуж. А ты вон вышла замуж и даже на свадьбу не позвала...

– Так не было же ее...

– Да я знаю, знаю... Будем считать, что это у тебя случилась репетиция супружеской жизни. Теперь ты хотя бы узнала, чего не надо делать и каких мужиков следует посылать сразу...

– Постой... А как же та женщина? Француженка?

– Она родила мальчика. Очень красивого.

– Господи, откуда ты знаешь-то?!

– Мне прислали его фотку, по электронке! Я направлял в Тулузу одного своего человека, он встречался с Мари. Она много чего рассказала про твоего Джорджи!

– Плохого? – спросила я упавшим голосом. Я старалась говорить тихо, поскольку в кафе было не так уж много посетителей.

– Она была влюблена в него. Как и ты. И это – главное. Думаю, что она до сих пор его любит. И нисколько не жалеет, что содержала его, истратила на него все свои деньги.

– Па, я тут кое-что задумала... Потом объясню. Жди моего звонка и... постарайся меня понять.

«Па, забери меня отсюда!!!»

* * *

Смысл и суть того, что произошло со мной на самом деле, дошли до меня лишь после разговора с отцом и братом.

Я заказала еще кофе и бутерброд, понимая – чтобы реально претворить свой план в жизнь, осуществить свою месть этим заговорщикам, мне понадобятся силы. Но даже после съеденного бутерброда сил у меня не прибавилось. Я сидела за столиком, и мне казалось, что я только за последние пару часов похудела килограммов на двадцать. Из своих пятидесяти. Колени дрожали, а где-то глубоко в груди застрял острый кол. Чувство, знакомое многим, кого постигло разочарование, кто не знает, как ему жить дальше. Когда рушится жизнь, и ты видишь, как падают с неба ее хрупкие обломки.

Вечером в это заведение с оранжевыми стенами, пальмами в кадках, запотевшими стеклянными стенами и малиновыми кожаными диванами набивается много посетителей. Те, кто победнее, заказывают маленькие круглые картофелины «чоли», посыпанные укропом, и какао, которое здесь называется «горячий шоколад». Кто побогаче – пьют ракию, тяжелые алкогольные коктейли и берут «мезе» – сборную закуску из тоненько настроганной сухой колбаски «суджук», ветчины и соленостей.

Рядом со мной расположилось целое семейство цыган с мамашей во главе, черноглазой, худенькой, крикливой женщиной в черной искусственной шубе и с сигаретой в прокуренных зубах. Они никак не могли сделать заказ, и официантка нервничала, боясь запутаться, сколько им принести порций кофе и сколько пирожных.

За окном свирепствовала фиолетовая метель, по толстым стеклам соскальзывали вниз густые, серые, похожие на мокрый сахар горсти талого снега.

Я не представляла себе, куда мне податься. Мысли снова и снова возвращались к Райне. Я могла бы ей позвонить и попросить помочь, подсказать, как мне поступить. В моей памяти закрепилась эта очень умная, хваткая и практичная девушка. С другой стороны, то, что я задумала, тоже пахло криминалом, а потому эта девушка могла подставить и сдать меня в любую минуту. Вот так я рассуждала тогда – и испытывала при этом чувство облегчения от того, что мне теперь не придется ни перед кем отчитываться в своих планах.

Итак! Мне требовался труп. Труп молодой девушки, на который я бы надела свою одежду и украшения. Джорджи со своей матерью с радостью его опознают. И машина завертится.

Стоп! Прокрутив в голове возможность оформления своей страховки, я же так ничего и не предприняла... Полагаю, я правильно сделала, поскольку в самое ближайшее время, затеяв разговор о страховке, я насторожила бы своих родственников.

Я вышла из кафе и сразу же нырнула в первый попавшийся магазин, где купила шерстяной длинный шарф и обмотала им грудь и горло. Потом узкими, круто спускавшимися вниз улочками и переулками я добралась до дома и, увидев на парковке свой покрытый толстым слоем мокрого снега красный «Ситроен», села в него и задумалась. В любую минуту здесь мог появиться мой муж с ножом, чтобы перерезать тормозные шланги. Хотя надо не знать Джорджи, чтобы предположить, что он способен в такую непогоду вообще выйти из дома! Наверняка они с мамашей сейчас ужинают вдвоем, расположившись в уютной кухне, купленной в соседнем магазинчике курицей гриль и салатом из перцев. И думают-гадают – куда я запропастилась? Вообще-то за то короткое время, что мы с Джорджи прожили вместе, я успела его приучить к тому, что время от времени я совершаю длительные пешие прогулки по городу. Но сейчас, в такую непогоду, когда даже бездомных собак впускают погреться в теплые подъезды домов или в подсобки кафешек, предположить, что я гуляю... не совсем же они сошли с ума! Но думаю, им хорошо вдвоем, без меня, и, похрустывая куриными косточками, они сладко мечтают о том, как лишат меня жизни, каким образом отправят меня на тот свет.

Еще пару часов тому назад тормозные шланги не были перерезаны, иначе Джорджи похвастал бы этим перед матерью. Вряд ли он сделал это в такой снег и дождь. Но все равно мне становилось как-то не по себе, когда я размышляла о том, что со мной произойдет, если шланги все-таки уже «готовы» и моя стоявшая на крутой парковке машина, едва я в нее сяду, покатится на большой скорости вниз, прямехонько в сторону бензиновой станции...

Что же делать? С другой стороны, хорошо, что я как бы предупреждена, а поэтому все же мне стоит попытаться понять, все ли в порядке. Ведь целая, неповрежденная машина – это свобода! Свобода перемещения в пространстве. Это значит, что у меня будет и крыша над головой, и возможность поехать, куда я захочу. В сумке аккуратной пачкой лежали мои банковские карты. Гостиниц в Шумене – по сто штук на каждом углу!

Я решилась и с бьющимся сердцем завела мотор. Дверцу я оставила приоткрытой на случай, если все-таки мои тормоза неисправны. Я немного проехала вперед и надавила на тормозную педаль. Все прекрасно! Чудесные тормоза, чудесная машина! Я включила кондиционер, музыку и покатила по дороге вниз, к бензиновой станции. Благополучно заправилась и поехала куда глаза глядят.

Море шумело и плескалось, штормило и бешено накатывало на берег в восьмидесяти километрах от меня. В Варне – это передали по радио – штормовое предупреждение. Вот и хорошо! У меня в душе – тоже штормовое предупреждение. И настроение тоже – штормовое. И дорога, трасса София – Варна, куда я вылетела на хорошей скорости, была почти пустынна. Кому охота в такую погоду ехать к морю? По черной мокрой ленте скользили, грохоча, огромные груженные фуры с турецкими номерами, разрисованные красочными картинками микробусы, везущие из Софии, если верить рекламным «лейблам», печенье, шоколад, напитки, мороженых цыплят, газ... Все вокруг меня были чем-то заняты, вели обыкновенную жизнь, зарабатывая деньги и заботясь о своих семьях, куда-то спеша и на что-то надеясь. Я же мчалась в неизвестность, обуреваемая единственным желанием – отомстить своему какому-то ненастоящему, картонному мужу и его злодейке-мамаше за их жестокий заговор, за их желание лишить меня жизни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.